

А. Н. Муравьев

Русская фиваида на севере

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Н. Муравьев**
Русская фиваида на севере / А. Н. Муравьев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 516 с.

ISBN 978-5-518-07965-6

ISBN 978-5-518-07965-6

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 24-го дня 1854 года.

**Цензоръ, Московской Духовной Академіи Инспекторъ,
Архимандритъ *Сергій*.**

Нѣскольо пустынныхъ цвѣтовъ, собранныхъ мною не на дальнемъ Востокѣ, но вблизи насъ на Сѣверѣ, въ предѣлахъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ, какъ бы въ родной нашей Ойвацѣ и Палестинѣ, дерзаю я, быть можетъ неискусной рукою, разсыпать предъ стопами Вашего Императорскаго Высочества. Не слишкомъ ли смѣло мое желаніе, чтобы эти скромныя фіалки, процвѣтшія и забытыя въ своихъ пустынныхъ дѣбряхъ, нашли себѣ смиренный пріютъ въ Велико-Княжескихъ палатахъ? — Но вотъ и другое теплое желаніе, внушаемое сердцу, чувствомъ глубокой благодар-

ности, за то Высокое и милостивое вниманіе, котораго неоднократно удостоивался, хотя и безъ сознанія своей заслуги: лики Святыхъ, коихъ пустынные подвиги, терпѣнія и любви, соплетены здѣсь какъ бы въ одинъ благоухающій вѣнокъ, молитвою своею и благимъ примѣромъ, да укрѣпятъ Васъ къ безропотному шествію по терніямъ жизни, доколь не изсякнетъ всякое горе премежной разлуки, въ одной неразлучной радости на лонѣ Христа!

ВСТУПЛЕНІЕ.

Тихо, отрадно мирное Останкино, въ объемъ его прохладныхъ рощей, которыя отовсюду ввють роскошнымъ опахаломъ своихъ листвъ и сосенъ, освѣжая для него звонные часы полудня. Еще очаровательнѣе оно, при яркихъ краскахъ утренней зари, когда голубымъ зеркаломъ разстилается обширный прудъ, въ темной окраинѣ прибрежной дубравы, предъ величественными храмомъ и палатами, или когда, въ поздній часъ вечера, багровое солнце, спускаясь за лѣсъ, послѣдними лучами румянить куполъ Графскаго дома и семь крестовыхъ главъ высокой церкви временъ Патріаршихъ. Въ виду первопрестольной столицы и Троицкой до-

роги, не далеко отъ любимаго гульбища Московскаго, Марьиной роши и Сокольниковъ, особенною свѣжестію дышетъ это пріятное мѣсто, зеленый изумрудъ въ вѣщи окрестныхъ селъ Белокаменной, мирный уголокъ, гдѣ можно отдохнуть на прохладу отъ ея заботливаго шума.

Понятно сердцу, почему вельможи Русскіе, Черкасскіе и Шереметевы, искали себѣ тутъ тихаго пристанища, близъ города и на перепутіи въ лавру. Не безъ громкихъ однако воспоминаній мѣсто сіе, по видимому созданное только для беззаботнаго отдыха. Здѣсь по сосѣдству, въ селѣ Алексѣевскомъ, живали Цари; еще недавно знаменитый исторіографъ нашъ засталъ тамъ скромный дворецъ Алексія Михайловича, близъ храма, имъ сооруженнаго, въ честь Ангела своего, человека Божія, и въ память явленія Тихвинской иконы Богоматери. Еще красуется доселѣ великолѣпный храмъ сей, съ своею высокою папертью, достойный имѣть ктиторомъ Царя; но уже смиренное жилище основателя замѣнено усадьбою священнослужителей, и для нихъ зрѣютъ яблони, бывшихъ садовъ, которые, быть можетъ, насадилъ державною рукою самъ кроткій Алексій, «тишайшій» въ полномъ смыслѣ сего Царскаго титула. Здѣсь любилъ онъ тѣшиться иногда соколиною охотою въ дремучихъ лѣсахъ, опоясавшихъ съ этой стороны его столицу, и звонкіе рога ловчихъ оглашали всю окрестность. Отсель, сложивъ величіе Царское, не разъ странствовалъ

онъ смиреннымъ богомольцемъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, въ лавру Сергіеву, просить ходатайства преподобнаго въ тяжкія години своей державы, или благодарить его за радости семейныя и отечественныя.

Церковь села Останкина, во имя Святыя Троицы, сооружена, за полтора ста лѣтъ, бывшими владѣльцами Князьями Черкасскими, коимъ наследовалъ сынъ фельдмаршала, второй Графъ Шереметевъ. Двухъярусная, съ крытыми восходами и двумя придѣлами въ паперти, ее опоясавшей, она возвышается во всемъ великолѣпіи тогдашняго водчества, полу-Византійскаго, полу-Готическаго, которое можетъ собственно называться Русскимъ, и носить отпечатокъ первыхъ временъ Царствующаго Дома Романовыхъ; храмъ сей былъ освященъ едва ли не самимъ Адрианомъ, послѣднимъ Патріархомъ. Цари жаловали бояръ своихъ, и не рѣдко посвящали ихъ здѣсь, какъ ближайшихъ сосѣдей села Алексѣевскаго. Въ обширномъ саду Останкина есть кедровая роща и, на ея краю, одинокій маститый кедръ, старецъ доживающій уже второе столѣтіе: подъ тѣнью его любилъ, по мѣстному преданію, отдыхать великій Петръ. Такой же кедръ показываютъ въ селѣ Коломенскомъ, близъ уничтоженнаго дворца Царя Алексія Михайловича. Наши Державные любили сихъ величавыхъ пришельцевъ Ливана, напоминавшихъ имъ библейскія сказанія и приточную славу Соломона, котораго мудрости сами искали подражать, во дни земнаго своего цар-

ства, чая небеснаго. — Домъ Останкина, хотя и деревянный, свидѣтельствуеть о прежнемъ великолѣпнѣ боярѣ нашихъ, которыхъ еще одинъ свѣтлый образецъ тихо доживаетъ старческіе годы, посреди общей любви и уваженія, въ подмосковномъ селѣ своемъ Влахернскомъ, гдѣ также посѣщаютъ его Державные. Всѣ сіи роскошныя палаты созданы были не для житья, а только для празднествъ, покойнымъ Графомъ Шереметевымъ, отцемъ нынѣшняго владѣльца, на мѣстѣ стараго дома Князей Черкасскихъ, и обращены имъ въ музей ирамомъ и картинъ. Тутъ принималъ онъ Царственныхъ Гостей, посреди всей роскоши тогдашняго боярскаго быта, и давалъ великолѣпныя праздники, по случаю двухъ коронацій Императоровъ Павла и Александра. Рассказываютъ, что Благословенный замѣтилъ радушному хозяину одинъ только недостатокъ его роскошныхъ палатъ: то, что изъ нихъ не видно Москвы; — на слѣдующій праздникъ, пригласивъ Августѣйшаго Гостя на балконъ, Графъ показалъ ему, сквозь новую широкую просѣку Марьиной рощи, бѣлый златоглавый столпъ Ивана великаго. Такъ усердно старались вельможи наши угождать, даже и въ малыхъ предметахъ, Бывчаннымъ Посѣтителямъ, которые удостоивали ихъ своимъ присутвіемъ.

Скромный, небольшой домикъ; бывшаго владѣльца сей великолѣпной дачи и ста сорока тысячъ душъ крестьянъ, пристроенъ былъ къ главному зданію, со стороны церкви, и уже теперь не существуетъ. Онъ

былъ разобранъ по ветхости; потому что съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтїя, Останкино перестало быть обитаемо своими Графами и, въ цѣломъ домѣ, нѣтъ для самихъ хозяевъ ни одной жилой комнаты: тамъ однѣ лишь залы и галереи, оживленные только ваянїями древнихъ и новѣйшихъ художниковъ. Есть тутъ и подземный сопровица Геркуланума; одна изъ статуй, богиня здравїя, обрѣтенная въ Афинахъ, украшала некогда подгородную Римскую виллу Кесаря Адриана, прежде нежели перешла въ подмосковную Русскаго вельможи, и была бы достойна Ватикана. Цослѣдній праздникъ Останкина, въ честь его Царственныхъ почитателей, данъ былъ родственниками Графа, въ 1830 году, Великому Князю Михаилу Павловичу; еще однажды оживились тогда, на краткій вечеръ, опустѣвшїя палаты давно забытымъ веселїемъ ихъ минувшихъ дней.

Цветущїй садъ съ обширнымъ паркомъ, доселѣ служить, въ праздничные дни, однимъ изъ гულбищъ для Московскаго общества, какъ будто отсутствующїй хозяинъ заочно созываетъ къ себѣ невѣдомыхъ гостей, подъ развѣсистую тѣнь вѣковыхъ кедровъ и липовыхъ благовонныхъ аллей. Но если бывають по временамъ оживлены вечера Останкина, на утро водворяется опять та же глубокая тишина въ его безмолвныхъ дубравахъ; онѣ оглашаются только пѣнїемъ раннихъ птицъ и невольно манятъ на прогулку въ свое прохладное приволье. Отъ времени до времени, въ урочные часы, слы-

шумъ шумъ и произвительный свистъ быстрого паровоза, несущагося мимо Останкина; далеко за нимъ клубится, поперхъ рошъ, облако дыма и потомъ все опять затихаетъ. Желательно было бы, чтобы, на краю парка, опять наполнились водоемы многочисленныя пруды, которые опоясывали всю обширную усадьбу и составляли одно изъ лучшихъ ея украшеній, тѣмъ болѣе что садъ и домъ не измѣнили прежней своей славы.

Но вотъ одно сладкое впечатлѣніе Останкина, которымъ особенно утѣшается сердце, наканунѣ торжествъ церковныхъ первопрестольной столицы: это всеночный звонъ колоколовъ, когда всѣ они, сливаясь въ одинъ серебрястый гулъ, гармонически вторятъ густому, отеческому гласу Ивана великаго, возбуждающаго ихъ съ высоты Кремля; — сквозь просѣну рошъ широко несется, по тихому вечернему воздуху, многоглагольный звонъ сей въ мирное Останкино, невольно извлекая слезы и потрясая душу, воспоминаніями великихъ событій Церкви и отечества!